Роман Сенчин

В норе

Часть сборника
Иджим (сборник)

Роман Валерьевич Сенчин
В норе

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685665
Роман Сенчин «Иджим»: ЭКСМО; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-41760-5

Аннотация

«Середина декабря – самое скучное, сонное время. Деревня, спрятавшись в низине по берегу пруда, съежившись, укрылась снегом. Избы превратились в большие сугробы, из них плотными серыми столбами поднимаются вверх дымы. Холодное, мутно-красное солнце – на него и в полдень можно смотреть не щурясь, – проползает по краешку неба и равнодушно закатывается за гору, оставляя на небе, тяжелом и низком, на сухом колючем снегу багряные разводы. Разводы эти обещают назавтра мороз. Люди прячутся по домам, смотрят телевизор, едят и спят. Забот немного – следить за оставленной в зиму скотиной, поддерживать тепло в жилище да еще расчищать тропинки в ограде и к колодцу после снегопадов. А так, что еще делать…»

Роман Сенчин
В норе

Середина декабря – самое скучное, сонное время. Деревня, спрятавшись в низине по берегу пруда, съежившись, укрылась снегом. Избы превратились в большие сугробы, из них плотными серыми столбами поднимаются вверх дымы. Холодное, мутно-красное солнце – на него и в полдень можно смотреть не щурясь, – проползает по краешку неба и равнодушно закатывается за гору, оставляя на небе, тяжелом и низком, на сухом колючем снегу багряные разводы. Разводы эти обещают назавтра мороз.

Люди прячутся по домам, смотрят телевизор, едят и спят. Забот немного – следить за оставленной в зиму скотиной, поддерживать тепло в жилище да еще расчищать тропинки в ограде и к колодцу после снегопадов. А так, что еще делать…

Вечер тихий и спокойный. Длиннющий. Собаки свернулись в своих тесных будках, сунули морду под хвост. Ничего не хотят слышать и видеть. Их особо и не тревожат. Редко-редко в эту пору встретишь прохожего, еще реже проскрипят по насту полозья саней, которые тащит равнодушная, в каплях замерзшего пота, с бахромой инея на морде лошадка.

Вот уже стемнело совсем, небо изрябили зеренки звезд, а глянешь на часы – и шести нет…

– Да, открыто!

Обитая клеенкой дверь запищала, поддалась трудно, скребя половицы сенок. В кухню ворвался белесый ком пара, секунду-другую клубился и, когда дверь закрылась, исчез.

– Здоро€венько! – Гость нашел взглядом сидящего за столом хозяина. – А я вот к тебе, Игорек. Можно?

– Проходите, Юрий Васильевич. Хм… проходите, конечно.

Юрий Васильевич ответно мыкнул, потопал о коврик, стряхивая с валенок крупинки снега.

– Дверь-то подладить бы надо, – заметил, – скоро, гляди, и совсем не сдвинешь.

– Разбухла, – равнодушно объяснил хозяин. – С одной стороны тепло, с другой – мороз. Перекорежило.

– М-да…

– Раздевайтесь, у меня чай как раз заварился.

– У-у, дело! – Юрий Васильевич снял шапку, коротенькую, на искусственном меху шубейку. – Что, пишешь все? – кивнул на заваленный бумагами стол.

– Так… – Хозяин подставил ему единственный стул, сам сел на табуретку.

Устроившись, Юрий Васильевич раскрыл портсигар с двумя сплетшимися в танце журавлями на крышке.

– Закуривай, Игорек, я тут днем накрутил.

– О, спасибо! У меня сигареты кончились, а эти вот штуки никак делать не научусь. Расползаются.

– Для всего способность нужна. У тебя к одному способность, у меня, например, к другому. Тем, Игорек, и живем.

Закурили, не спеша втягивали едкий, драконящий горло и в то же время ароматный и сладковатый дым самосада.

Юрию Васильевичу за пятьдесят. Он крепкий, неповоротливый, с широким, изрезанным морщинами лицом, седоватой щетиной на скулах. Двигается тяжело, всегда как бы устало, и хотя на самом деле невысок и совсем не толст, но кажется большим, грузным в этой маленькой комнате-кухонке, рядом с сухощавым, длинноволосым и бородатым, в истертом плюшевом пиджачке в черную и салатную полоски, всегда словно обиженным на что-то Игорем – Игорьком.

– Помешал небось? – Юрий Васильевич опять кивнул на бумаги. – Ты извини…

– Да нет, чему тут мешать…

– Не скажи, не скажи.

Хозяин сунул бумаги в лежащий на кровати фанерный чемодан, спросил с показным интересом:

– Как там погодка?

– Да как – морозит вовсю. Шел вот, чуть нос не отпал… Хотя лучше пускай счас морозит, чем в апреле. Декабрь – он на то и декабрь… Весной-то, чую, предстоят дела… – Юрий Васильевич досадливо покряхтел. – Тут моя понасмотрелась на этих, на Калашовых, как они в том годе теплиц понаделали, всё в целлофане, и тоже решила вот… Кхе-хе… Собирается после Нового года в первое полнолуние рассаду се-

ять. Помидорчики, перец… Ящиков заставила наколотить, все доски извел… Захотелось ей, видишь ли, чтоб помидоров как картошки было. Сдурела на старость.

Гость разошелся, увлекся хотя бы заочным спором с женой, а ведь думал, закурив, сразу предложить Игорьку сообразить насчет выпивки.

– Я ей говорю: «Целлофан этот покупай, но на свою пенсю. – Она ж у меня на инвалидности, больная вся. – Он бешены деньги стоит, а рвется легче бумаги. Накупить его, а потом сидеть, что ли, голодом? Помидоры, еслив даже и уродятся, они все же не хлеб». Не понимает. – Достал еще самокрутку, покатал промеж шершавых ладоней, но раскуривать пока что не стал. – Пуска-ай подурит… Эти Калашовы, видать, матерые, наловчились в своем Казахстане, и машина у их – сел и поехал в городе торговать. А нам-то куда? Нам с ей и с десяти корней хватит, дети у тех же Калашовых купят, слава богу, могут позволить себе. Работают, зарабатывают… А тут эти туманы еще чёртовы от комбината, сам видишь, картошка и та после их чернет, а она – помидоры… А отдуваться кому? У нее-то приступы по три раза в неделю. Значит, опять я… Помидорщица тоже… – Юрий Васильевич тяжко вздохнул и тем же расстроенным голосом предложил: – Давай, Игорек, что ли, пропустим маленько. У? С устатку, после рабочего дня.

– У меня денег нет, – виновато-уныло развел руки хозяин.

– Да не, у меня-то есть. Полкуля комбикорма тут пихнул

одним. Все равно крысы сожрут, так хоть с пользой… Посидим тихонечко, побеседуем.

– Можно, конечно. Настроение какое-то, как раз для этого.

– Во-во! – поддержал Юрий Васильевич. – А пропустим, вроде и посветлей станет. – Поднялся. – Тогда побегу. Я до Егоровых, так что на одной ноге. – И, натягивая шубейку, узнал как бы мимоходом: – Зажевать-то есть чего?

– Картошка, капуста.

– У-у, милое дело. Ты тут пока… а я мигом.

Игорь наскоро и небрежно собрал на стол. Кастрюля с вареной, уже остывшей и посиневшей картошкой, два стакана, две вилки. В литровой банке морс из остатков протертой с сахаром жимолости. Из сенок принес эмалированный бак, надолбил ножом в миску заледеневшей соленой капусты… Бак оставил у двери на случай, если понадобится еще.

Осмотрел сервировку, кушанья, ухмыльнулся. Сел на кровать.

Только достал бумаги – опять постучали.

– Открыто же!

Дверь задергалась, туго стала уползать в глубь сенок. Из пара вместо Юрия Васильевича появилась невысокая девушка в зеленом пуховике и пышной собачьей шапке с опущенными ушами. Левое плечо тянет к земле туго набитая сумка.

– Добрый вечер, добрые люди! – Девушка поставила сум-

ку и огляделась; без церемоний стала развязывать тесемки под подбородком. – Погреться можно у вас?

Игорь смотрел на нее, в руках застыли листы… Гостье в конце концов надоела его оторопь:

– Ну, слушай, встреть меня.

– Хм… – Он сунул бумаги обратно в чемодан, захлопнул крышку, поднялся. – Хм, извини… Привет… Проходи, пожалуйста.

Она засмеялась:

– Спасибо! – И наклонилась, чтоб расшнуровать мощные, на толстой подошве, ботинки.

– Нет, не надо, не разувайся. Из подпола дует… да и грязно.

Отдав Игорю повесить пуховик, она прошла к столу.

– О, королевский ужин на двоих. Меня ждал?

– Да так… сосед должен… посидеть решили…

– Понятненько. – Девушка обежала взглядом обстановку в кухонке – разбросанные повсюду книги, буфет с дверцами без стекол, с облупившейся краской, магнитофон «Томь» с расколотым и заклеенным изолентой корпусом; остановила глаза на хозяине. – Да-а, Игорек… Борода, пиджачок в полосочку, картошка вареная… Женька все верно описывал.

– Да?

– Да.

Стояли, глядя друг на друга. Ее лицо, разгоряченное морозом, свежее, на щеках алые, будто гримом выведенные

пятна; он же бледный, заросший до глаз рыжеватой, слегка вьющейся бородой… Молчали.

Но вот гостья отвела взгляд, и хозяин встряхнулся, засуетился.

– Ты садись, – подвинул ей стул. – Ф-фу, что-то я совсем… Никак не могу в себя прийти. Извини…

Она села.

– Ну, как тут?

– Нормально… Хм, живу вот. Холодно, правда. Эти дни под утро на сорока держится… Второй рамы нет, одеялом вот окно затянул. Все равно сифонит… Печка слабая… А вообще-то, – голос его пободрел, – вообще-то – отлично.

– Понятненько. Прочно, значит, в норку забился?

– Можешь и так считать. – Игорь тоже сел, взял оставленную Юрием Васильевичем самокрутку. – Сейчас сосед должен бутылочку принести. Как раз… Вот отметим приезд, так сказать… Ты как собралась приехать-то? – Закурил. – До сих пор не верится…

– Прыгнула в автобус и приехала. Решила взглянуть, как тут наш Игорь Фролов великий поживает, как ему творится. К тому же, может, здесь учителя нужны.

Он усмехнулся:

– В сельские учительницы хочешь податься?

– Может быть…

– Как учеба?

– Неплохо. Диплом пишу.

– А тема?

– Тема?… «Юродивые в русской литературе».

– У-у, материал богатый…

– Глухомань тут у вас. Я вот прошла, глянула, хоть и темно…

– Ты, кстати, на чем приехала? – Игорь, нахмурясь, взглянул на будильник. – Рейсовый два часа как был. Задержался, что ли, опять?

– Я на том, который Красноярск – Шушенское.

– И с трассы пешком?! Тут же километров пять…

– Ничего, прогулялась.

– Ну ты даешь…

Замолчали, разглядывали друг друга, изучали, как близкие некогда, но давно не видевшиеся люди… Вдруг Игорь вскочил, ткнул цигарку в пепельницу, засуетился.

– Хм!.. Что-то я совсем отупел… Так, так, – увидел ведро под умывальником, полное помоями до зарубки. – Ты не скучай, я сейчас.

Сунул ноги в разношенные почти до бесформенности валенки, кинул на голову кроличью шапчонку; взял ведро, пихнул дверь.

– Вот привезла кой-чего, – объявила гостья, когда он вернулся. – Женька мне порассказал, как ты живешь, чем питаешься. Я каждый раз от этого плачу, представляешь?

– Гм… – Игорь вытащил из ведра несколько обледенелых

березовых полешков, положил сбоку печки, чтоб подсыхали. – Спасибо.

– Даже на водку какую не поскупилась! «Серебро Сибири», семнадцать тысчонок за ноль семь литра. Вы здесь, наверное, самогон хлещете…

– Спирт. Самогон с чего гнать? А тут спиртзавод в соседнем селе… – Он уставился на горку продуктов – колбаса, консервы, пакеты с крупой, сардельки, лимоны; протянул ошалело: – Дела-а…

– Что, может, выпьем до твоего соседа? За встречу.

– Конечно, конечно! – потянулся Игорь к бутылке. – Давай открою.

– Да она винтовая, легко. Ты лучше консерву какую-нибудь…

Игорь покрутил в руках одну банку, другую. Спросил потерянно:

– Какую?… Скумбрию? Сайру?

– Открывай сайру. С картошкой вкусно.

Пока он разрезал ножом жесть консервы, девушка скрутила крышечку бутылки, сама стала разливать.

– У, стаканы-то! – возмутилась.

– Это от чая… налет. Рюмок, извини, нет.

Сели, чокнулись. Подождали, точно собираясь еще что-то сказать, но не собрались. Выпили.

– У-у-ух! – Гостья передернула плечами, подцепила вилкой бледно-оранжевые лохмотья капусты. – А хлеб имеется?

– Нет, нету… Всё не могу в магазин собраться. Картошка… А, сейчас! – Он вскочил, достал из буфета тарелки; высыпал картошку из кастрюли. – Накладывай, какая поаппетитней, а то тут с глазками есть… для себя варил… Рыба классная. Тыщу лет сайру не пробовал.

Некоторое время увлеченно ели. Девушка, видимо, проголодалась с дороги.

– Что-то сосед пропал, – опять взглянув на будильник, бормотнул Игорь. – Может, кого-то встретил другого… Хорошо бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.